

дарвинисты — непонятно, что за трамплисты — никто объяснить толком не может. Короче говоря, видимо, человек попал в психушку не совсем незаслуженно. Но потянул за собой вполне нормальных людей.

— *И кто же такой был этот Смолин?*

— Не знаю. Скорее всего такой же псевдоним, как Борин у нас.

Так что, видите, каких только организаций не было, вплоть до самых карикатурных. А параллельно с этим существовало правозащитное движение, и оно-то носило совсем другой характер. Совсем не смешной, а — настоящий...

— *А Вы, будучи на свободе, имели представление об этом движении?*

— Имел, конечно. Контактов, правда, не было. К сожалению, не попал мне в руки и самиздат.

— *А Вудка и Сенин читали самиздат?*

— Вряд ли. Думаю, что нет...

— *Александр Ефимович, как Вы теперь знаете, редакция "Карты" располагает достоверной информацией о человеке, очень близком к группе, который сотрудничал в то время с КГБ. Каково Ваше отношение к моральной проблеме обнародования имени этого человека?*

— Мне кажется, нужно прежде всего спросить у него. Лично у меня к нему нет никаких претензий — здесь я солидарен с Мартимоновым, — мало ли что было 30 лет назад! Если же вы хотите в чисто историческом смысле опубликовать, нужно поговорить с ним... А если он считает, что сделал правильно? Откуда вы знаете?

Будучи на месте журналиста, я постарался бы реализовать право личности на публикацию ответа. Каждый человек должен иметь право на ответ...

Рязань

Олег ПОПОВ

Встречи в Рязани (вокруг "дела Вудки")

В приводимых ниже заметках я поделюсь с читателями "Карты" о своих встречах и дискуссиях с членами группы Юрия Вудки, в основном, с Евгением Владимировым, и о том, как повлияли эти встречи на мою последующую жизнь. Не будь их, может быть, я и по сей день работал в Москве, в засекреченном Центральном институте радиопромышленности...

В 1960-1965 гг. я учился в Московском энергетическом институте (МЭИ), на факультете электронной техники. Диплом делал в Центральном институте радиопромышленности, в ту пору настолько засекреченном, что, как мне говорили, даже дворники имеют минимум 2-ю форму допуска по секретности. Тема и содержание диплома были настолько секретными, что на его защиту, которая проходила в одном из зданий МЭИ, диплом был доставлен в специальной бронированной машине, охраняемой двумя вооруженными солдатами.

После окончания МЭИ осенью 1965 года я был направлен на работу в Рязань, в "почтовый ящик" №6. Он также имел и гражданское название: Научно-исследовательский институт газоразрядных приборов (НИИГРП). Пишу "направлен", хотя выбрал Рязань сам (у меня был выбор среди 3-4 мест): летом 1964 года наша группа была на производственной практике в Рязани, на заводе электровакуумных приборов.

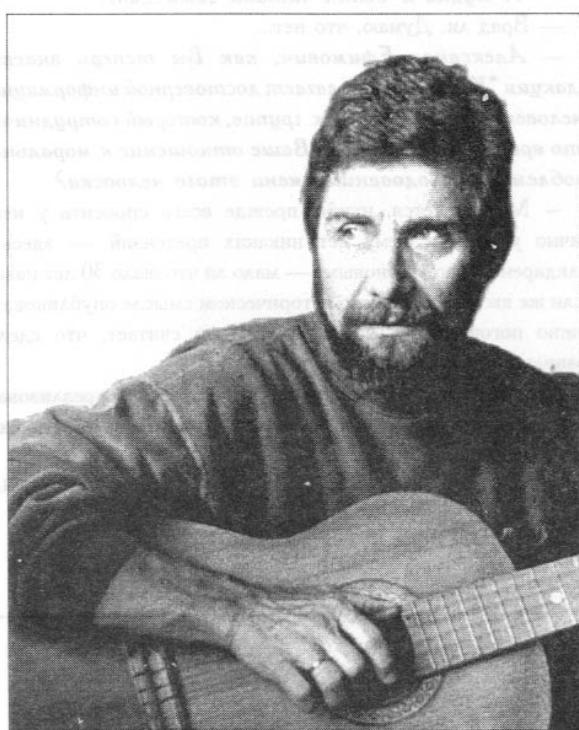
И вот в начале февраля 1966 года я приехал в Рязань и начал работать в одной из лабораторий этого НИИ. Общежитие для молодых специалистов еще не было готово, и мне предложили в отделе кадров временно снять, на 2-3 месяца, комнату у "частников". Комнату я не стал снимать, а пошел в общежитие

Рязанского радиоинститута, где жил во время производственной практики в 1964 году и где, как я помнил, всегда были свободные койки. Поговорил со старостой первого этажа факультета радиотехники (он меня хорошо помнил), "раздавил" с ним бутылку, и он выделил мне койку в комнате из 3-х (кажется) человек.

Помимо меня в комнате проживали еще два студента, Николай Зиновьев и Шимон Грилюс (сейчас Шимон, как мне передавали друзья из Израиля, этого ничего "не помнит"). Зиновьев был довольно разговорчивым парнем. Он был из Чувашии и очень интересовался историей КПСС, особенно своим тезкой, Зиновьевым. Поскольку я в то время пытался разобраться, в какой момент "все пошло не так", и склонялся то к Троцкому, то к Бухарину, то у нас с ним было о чем поговорить. После того, как я покинул общежитие радиоинститута, я его больше не встречал.

Будущий член группы Вудки, Шимон Грилюс был невысокого роста, с абсолютно выбритой головой и производил впечатление сдержанного, целеустремленного студента. Он очень много занимался, проводил значительную часть времени в так называемой рабочей комнате, где трудился над курсовым проектом. О политике мы с ним, мне помнится, не разговаривали, хотя он часто жаловался на институтское начальство, непомерно большую учебную нагрузку и антисемитизм.

В конце февраля того же 1966 года случилось знаменательное событие: ночной демонстрация студентов радиоинститута. Дело было в день выдачи стипендии. Какой-то студент, слегка

Олег Попов. Рязань. 1995 год.

ФОТО С. РОМАНОВА

выпив, стал читать во внутреннем дворе общежития стихи, в основном, Есенина. Подъехала милицейская машина, и парня пытались забрать. Тут же собрался народ, и парня "не дали". Но тут милиционеров подъехало поболее, и уже забрали не только "чтеда", но и двух-трех его защитников. И вот тут-то студенты возмутились. Стали собираться во дворе, образовалась большая толпа, в основном, с радиофака. Решили идти в центр города, кажется, в городское отделение милиции, и требовать освобождения задержанных товарищей. Сформировались в колонны по 4-5 человек в ряду и двинулись к центру по улице Гагарина. Было уже 11 часов вечера. Мы шли практически молча. Слышны были лишь одни и те же, много раз повторяемые призывы: "Не шуметь!" и "Не поддаваться на провокации!" Пьяных практически не было, а тех, кого замечали, либо урезонивали, либо просто убирали из рядов колонны. Не помню точно, был ли рядом Шимон. Кажется, он был, но вскоре я его потерял в толпе. Народу было много, несколько сотен. По дороге мы пытались присоединить к себе студентов мединститута, но, насколько я помню, от тех было мало народа.

У больницы им. Семашко колонне преградили дорогу машины. К студентам вышло "высокое начальство" (помнится, был начальник то ли городского, то ли областного ГБ) и стало уговаривать всех разойтись. Было обещано, что задержанных выпустят. Покуда шли дебаты с начальством, студенты вели вольные "беседы" со стоявшими вокруг милиционерами и с военными, носящими форму КГБ (щит и меч). Очень хорошо помню, как один из гебистов бросил: "Распустили вас! Десять лет назад мы бы с вами не так разговаривали!" На что я очень уверенно ответил: "Этому больше не бывать! Ваше время больше не вернется!"

Студенты не расходились, пока не появились гонцы, которые сообщили, что всех задержанных освободили. Значительная часть демонстрантов пошла к главному зданию радиоинститута, где состоялся митинг. Выступали студенты и институтское начальство, среди которого был и тогдашний ректор института, Поникаровский. Принимали ли участие в демонстрации Юрий Вудка и Олег Фролов — я не знаю. Поговаривали, что позднее некоторых активных участников демонстрации и выступавших на митинге студентов исключили из института. Были ли уголовные преследования, мне неизвестно. В любом случае, участвовавшие в демонстрации студенты получили неоценимый опыт массовой акции и на собственном опыте убедились в ее действенности. Именно тогда, после той демонстрации, мое социал-демократическое "реформистское" мировоззрение подкрепилось собственным личным опытом. Много лет позже эта уверенность в эффективности массовых и не эпатирующих акций помогала мне организовывать демонстрации отказников у зданий советских органов власти.

Имя Юрия Вудки стало мне известно задолго до знакомства с его идеями. В НИИГРП, где я работал, о нем рассказывали как об очень умном и ироничном молодом человеке. Он сотрудничал в газете радиоинститута "Радист", где как-то напечатал басню, главным героем которой легко угадывался ректор института. Вудке дали нагоняй, но зато о нем стали говорить с уважением, по крайней мере, в рязанских НИИ. "Умный как Вудка" — эту фразу, произнесенную без тени иронии, я слышал неоднократно от своих коллег.

Весной 1967 года туристическим клубом Рязани был проведен конкурс туристской песни. Выступали, в основном, рязанцы. Были и приезжие, среди них и мой младший брат, 19-летний Аркадий, который спел первый раз свою, теперь уже довольно известную, песню "Аутодафе". В зале среди слушателей сидел и Юрий Вудка. Мне неизвестна его реакция на "Аутодафе", но вот по поводу моего исполнения "Бабьего Яра" (Евтушенко/Дуллинского?) он выразился, что, мол, я пою ее слишком пессимистически. (Напомню, что дело было незадолго до 7-дневной войны Израиля с арабскими соседями). Я совершенно забыл об этой короткой беседе (тогда к нам, участникам конкурса, подходило много народа). Мне о ней напомнил 3 года спустя участник группы Вудки Евгений Владимиров, студент Рязанского пединститута, когда я собирал для "Хроники текущих событий" информацию по "делу Вудки".

Сейчас, 30 лет спустя, когда я вновь возвращаюсь к тем событиям, я думаю, что Юрий никогда не забывал, что он еврей, как не забывал это и Шимон Грилюс. Семидневная война не могла не усилить его чувства причастности к народу Израиля, если даже я, русский человек, воспринимал тогда победу армии Нагана как собственную победу. В тот вечер последнего дня семидневной войны, когда стало ясно, что война выиграна, мы — я и группа студентов МЭИ, находившихся на производственной практике в нашем НИИ, — сели в автобус и до часу ночи мотались на нем по городу, пели под гитару русские и еврейские песни, праздновали победу. Ведь это был 1967 год. Еще не было ни августа 68-го, ни арестов Якира и Красина, ни травли Сахарова, ни высылки Солженицына. Все это было впереди...

Интервенция советских войск в Чехословакию 21 августа 1968 года застала меня в горах Кавказа. Случившееся буквально

потрясло. Я не столько был убит подлым и наглым поведением советских руководителей, сколько практически полным равнодушием подавляющей массы советских людей. Стало также очевидным, что суд над Гинзбургом и Глинковым (январь 1967 года) — это не рецидив сталинизма, а норма сегодняшнего (и завтрашнего) дня. Немедленно возник вопрос: что делать? Было ясно, что эта власть — “не моя, и мне враждебная”. Так что, стало быть, ее надо менять? А как? И кто будет менять? и на что менять? Голова пухла, требовались собеседники, которых бы также волновали подобные вопросы. И, главное, нужны были идеи.

Одна идея-подход уже формировалась среди московских, в основном, диссидентов. Их рассуждения, услышанные по “голосам”, я понимал примерно так: “Раз власти сами, вопреки собственным заверениям, не только не движутся в сторону демократизации общества, но и душат ее любые проявления и зачатки, значит, за это должны взяться сами граждане. Если мы будем практиковать, явочным порядком вводить в свою и в общественную жизнь элементы правового общества, “приучать” общество к ним, тем более что все это дано Конституцией СССР, то, что вчера было прецедентом, сегодня станет “дe-fакто”, а завтра — “дe-юре”. А что может сделать с нами власть? Только давить незаконным способом, ибо мы не нарушаем и не собираемся нарушать советские законы. Вот тутто и выяснится, кто действует легально, а кто нелегально”.

Вот так, примерно, я понимал услышанные по “голосам” выступления Литвинова, Богораз, Вольпина, а затем Чалидзе, Твердохлебова и других. Их первейшим и основным требованием была — гласность. Этих людей стали называть правозащитниками.

Однако, правозащитной “философии” мне было недостаточно. Как совершенно справедливо писал позднее Буковский в своих мемуарах (да и каждый из нас это знал), — народ в своей массе не понимает, что это такое — “права человека”. Вот слово “правда” он понимает. Поэтому на вопрос, за что посадили, Буковский отвечал: “За правду”. А в те годы, конец 60-х, я воспринимал, как и положено человеку, воспитанному на классическом марксизме, права человека как надстройку, а борьбу за них как важнейшую, может быть, на данном этапе общественную деятельность, но явно не тянувшую на политико-философскую концепцию, способную объяснить настоящее и предложить реалистическое будущее. Короче, была необходимость в фундаментальной общественно-политической концепции, без которой невозможно начать серьезную деятельность и тем более “идти в массы”.

Я считал тогда, как и считаю сейчас: демократические реформы могут иметь успех лишь только в том случае, если они идут снизу. Начать, инициировать их можно (а в иных случаях только и возможно) сверху. Но без их продолжения и развития снизу эти реформы вырождаются и ведут к новому разделению нации на управляющих и управляемых, на “верхи” и “низы”. События последних лет в России, где завоевания 88-91 гг. не были использованы для развития действительно демократических общественных (“гражданских”) структур, институтов, подтвердили эту мысль. Точно по такой же причине произошла и бюрократическо-воровская приватизация в экономике, где слабое участие в процессе приватизации гражданского общества (поскольку оно еще практически не сформировалось) позволило

политической и экономической номенклатуре разделить собственность нации между собой.

Возвращаясь в конец 60-х. Размышления на темы “что делать?” толкали меня на поиски если не единомышленников, то хотя бы собеседников. И собеседники, и даже единомышленники, в общем-то, были, но наше “единомышление” не шло дальше констатации известных фактов и тогда уже очевидных истин вроде того, что у власти находится партаппарат, в стране отсутствует свобода слова, печати, собраний, что экономика неэффективна, и т. п. Но вот полной и убедительной концепции, которая не только объясняла ситуацию, но и давала бы рекомендации, что делать — я ни от кого не слышал.

Готовясь к сдаче кандидатского минимума по английскому языку, я стал весной 1969 года посещать группу по усиленному изучению языка при Рязанском педагогическом институте. Там я познакомился со студентом исторического факультета Евгением Владимировым. Сейчас я не помню обстоятельств нашего знакомства, но помню, что мы быстро подружились и довольно скоро перешли на “опасные” темы. Началось все с обсуждения статьи в журнале “Новый мир” (кажется, Гефтера) о бюрократии. Женя говорил очень уверенно: было видно, что он много на эту тему размышлял, хотя информация была, как у всех у нас, из разрешенной и опубликованной в СССР литературы, в основном, из журналов. В то же время Женя показал великолепное знание материалов и документов по истории КПСС — ее съездов, заседаний ЦК. Но его настоящей “библией” была книга Ленина “Государство и революция”. Мне даже казалось, что Женя знает ее наизусть.

Мы скоро сошлись на том, что в Советском Союзе у власти не пролетариат и не “трудящийся народ”, а бюрократия, которая по своему усмотрению и в соответствии со своими интересами, как она их понимает, распоряжается всей государственной и колхозной собственностью. Не было разногласий и по таким очевидным фактам, что в стране отсутствуют элементарные политические свободы, что Советы — ширма для политического всевластия компартии в лице ее аппарата и политбюро, что отсутствует независимый суд, что внешняя политика СССР носит империалистический характер и т. д.

Но вот когда мы перешли к историческим корням “развитого социализма” и вопросам типа “что делать?” и “куда ж нам плыть?”, то выяснилось, что я либо “правый социал-демократ”, либо “либерал”, а он — “ленинец-троцкист”. Подтвердилось, что основополагающим трудом, своего рода “библией” для Владимира была книга “Государство и революция”, написанная летом 1917. (И даже сегодня, зная, какое значение имела в формировании взглядов членов группы книга Ю. Вудки “Закат капитала”, я уверен, что не меньшую роль сыграли и другие материалы и документы как российской истории, так и западноевропейской.) В то время как я считал Октябрьский переворот ударом в спину демократии и началом формирования тоталитарного государства, Владимира

Юрий Вудка
ФОТО ИЗ АРХИВА
“ЭКСПРЕСС-ХРОНИКИ”

полагал, что Октябрьский переворот был "прогрессивным" событием, направленным на завершение антифеодальных реформ и создание условий для начала социалистических преобразований. Другое дело, полагал Владимиров, что эта революция не выполнила своих задач, но тому были объективные и субъективные причины. С причинами было не все ясно, по крайней мере, для меня. Но вот любопытное замечание Владимирова: "Страна была культурно и социально (90% крестьян) не готова к социалистическим переменам, и без поддержки Запада социализм построить в России было бы невозможно". Он так и говорил: "Большевики пришли слишком рано. В сущности, это признал и сам Ленин, ибо введение НЭПа, в экономическом смысле, было очевидным антисоциалистическим актом".

Перерождение рабочей (ком)партии в "орден", а советской власти, по мысли Ленина — "антигосударственной" власти, в аппарат насилия над народом, были обусловлены, по мнению Владимира, и тем, что почти вся наиболее культурная и сознательная часть рабочего класса, рабочие питерских заводов, Москвы, Иванова, — погибла на фронтах Гражданской войны или ушла в управление, став частью бюрократии. Поэтому партию захлестнула мелкобуржуазная волна, приведшая к власти Сталина.

В Жениных доводах я узнавал и рабочую оппозицию 20-го года, и троцкистов 25-28 годов. Даже терминология у Владимира была троцкистской: "сталинский термидор", "перерождение партии", "государственный капитализм" и т.п. Удивительно, ведь ни он, ни Вудка не имели доступа к произведениям Троцкого, опубликованным за рубежом. Из самиздата мы оба читали лишь "Письмо Раскольникова", которое почти открыто гуляло по стране, но в котором нет ничего из того, что развивал мне Владимиров.

И уж совсем мы разошлись во взглядах, когда встал вопрос — "что делать?" Владимиров не только стоял на большевистских позициях, но и мыслил "по-большевистски". Центральным в наших расхождениях был вопрос, что должно прийти на смену бюрократии и каким образом, каким методом бюрократия убирается от власти. Мы оба считали, что должна произойти децентрализация экономики. Но если я считал, что нечего изобретать велосипед и что примером может служить Швеция или Австрия, то Владимиров полагал, что поскольку капитализм исторически обречен, то надо после того, как власть отнята у бюрократии, отдать в пользование заводы и фабрики их сотрудникам. Я не помню, чтобы мы обсуждали вопрос о купле-продаже земли и средств производства. Глядя назад, я понимаю, что Женя, разделявший, в целом, взгляды, изложенные в книге Юрия Вудки "Закат капитала", должен был быть за передачу средств производства в руки рабочих и служащих, но без того, чтобы эти средства стали источником накопления капитала.

Но особенно острые дискуссии у нас возникли по поводу того, как заставить бюрократию "отдать власть". "Бюрократия

Юрий Вудка. 1986 год.
ФОТО ИЗ КНИГИ "НИТЬ АРИАДНЫ",
ИЗД-ВО "ШОФАР" (ИЗРАИЛЬ)

власть без боя не отдаст", — повторял Владимиров снова и снова. Сторонник классового подхода к истории и развитию общества, Женя доводил классовые противоречия до абсурда, как истинный ленинец. Отсюда и возникали абсолютно серьезные рассуждения о работе в армии и подготовке к будущим боям. ("...И за боев грядущих выстрелы спасибо, партия, тебе!" — именно эти строки были в стихах листовки, которую разбросала 20-летняя Валерия Новодворская той же весной 1969 года в театре "Современник". Это что, совпадение?)

Когда в мае 1969 года я получил вызов в военкомат на предмет призыва в армию, Женя удовлетворенно поговаривал, что, дескать, это хорошо, — надо, чтобы больше наших людей было в армии.

Меня очень привлекала законченность, системность взглядов Владимира. Но меня также и отталкивал их доктринерский, этакий завершенно-железобетонный характер. В конструкции, предложенной Владимирам, не было места ни сомнениям, ни возможности изменить что-нибудь: все уже написано Лениным ("Государство и революция"). Мне также было чуждо "черно-белое" (классовое) видение общества и истории, абсолютизация марксистских понятий: надстройка, производительные силы и т.д. (Сегодня я вижу другую крайность, как реакцию на 70 лет марксистского догматизма: игнорирование наследия европейской "гегельянской" социологической традиции. И получается, что социалистические по политической направленности журналы, как например, журнал "За свободную мысль", более глубоки и содержательны, чем многие несоциалистические.)

В конце концов мы перестали обсуждать "острые темы", поскольку стало ясно, что у меня другая ориентация. Скорее всего, по этой причине Женя и не привел меня в группу Юрия Вудки. Я даже сейчас и не припомню, упоминал ли Владимиров до августовских арестов имя кого-либо из группы. Наши общие знакомые — Ярославский, Гиндис — были из пединститута, и в их присутствии мы не вели бесед на "острые темы". (С Борисом Гиндисом я позднее крепко подружился. Он умудрился проскользнуть на суд по делу Вудки, пользуясь удостоверением дружинника, и просидеть там 2 часа, пока его не обнаружили гебисты и не выпроводили. Его информация также вошла в материалы о суде, опубликованные в "Хронике текущих событий". Борис с 1980 года живет в США, в штате Нью-Джерси, мы периодически встречаемся и вспоминаем былое...)

В августе 1969 года по городу поползли слухи об арестах "сионистов". В конце августа я приехал из отпуска и узнал, что арестованы братья Юрий и Валерий Вудки, неизвестный мне Олег Фролов и мой старый знакомый Шимон Грилюс. Других имен я не припомню. Хотя я в это время усиленно готовился к вступительным экзаменам в аспирантуру Института радиопромышленности в Москве, где 4 года назад делал диплом, я все же зашел в общежитие пединститута. Там нашел Бориса Гиндиса, который мне сообщил, что на допросы таскают массу

студентов, в том числе и Владимира. Кажется, мы тогда же встретились с Владимирами, но, насколько я помню, никаких деталей допросов в КГБ он мне не рассказывал. Да я особенно и не настаивал, понимая щекотливость ситуации. Однако, я решил для себя, что если меня вызовут на допрос или беседу, то буду молчать и отказываться от каких-либо бесед. Именно тогда я решил для себя (не исключено, что под влиянием материалов суда над Гинзбургом и Галанковым) относиться к КГБ как нелегальному "институту", не имевшему юридической силы.

В конце августа или в начале сентября в нашу комнату, в общежитие НИИГРП, поселился гражданин лет 35, служащий НИИГРП. Он имел прописку и жилье под Рязанью, но ему почему-то дали койку в общежитии. Буквально через несколько дней после его вселения я обнаружил на своей книжной полке несколько журналов "Чехословацкое фото" за 1968-1969 гг., с портретами Дубчека, Смрковского. Многим было известно, что я следил за событиями в Праге, читал "Руде право", переживал за чешскую революцию. Но чтоб такой подарок! Я, конечно, поблагодарил новенького, а он мне тут же стал рассказывать о своем приятеле, следователе из Саратова, который ведет дело некоего Олега Сенина, тоже следователя, арестованного "за политику". "Тебе, наверное, было бы очень интересно о нем знать", — говорил мне этот любитель Цисаржа и Смрковского, — "он тоже, как и ты, интересуется историей и политикой и такие интересные идеи высказывает!"

Я до этого не слышал об Олеге Сенине, но понял, что он имеет какое-то отношение к арестам в Рязани, и поначалу выразил сдержаненный интерес. Новый жилец с увлечением рассказывал подробности бесед следователя с Сениным, о том, какой этот Сенин умный и образованный. Но вот что любопытно: сосед утверждал, что Сенин якобы все сам рассказывает и что скорее всего ему "ничего не будет".

NOTE Не знаю, зачем этот театр нужен был КГБ. Может, показать не арестованным (пока?) и сочувствующим не членам группы, что, мол, "не бойся, иди сам в ГБ и все расскажи, и тебе ничего не сделают"?

Вообще-то я допускал, что возможны какие-то репрессии просто "за треп". Примерно в те же сентябрьские дни ко мне подошел мой коллега по работе, член партии, имевший дружеские отношения с кем-то из партийного начальства, и в чьих добрых чувствах ко мне я не сомневался. Он отвел меня на какую-то глухую улицу и бледный, с испуганным лицом, шепотом заклинал меня "немедленно уехать из Рязани", так как меня могут арестовать из-за каких-то "страшных знакомых". Я его поблагодарил, но сказал, что никаких у меня таких знакомств нет. А если критикую пережитки культа личности или интервенцию в Чехословакию, так в этом нет криминала, это все западные компартии критикуют.

Мои соседи по комнате мне несколько раз выговаривали: "Ты что с ним трепешься? Он же сексот! Его к тебе подселили!" Дело кончилось тем, что в том же сентябре, в день получки, эти же ребята крепко побили провокатора, и тот исчез из общежития.

В октябре 1969 года я стал собирать документы в аспирантуру, в их числе была характеристика из НИИГРП. Начальник отдела, секретарь комсомольской организации быстро поставили свои подписи. Секретарь парткома, Фофанов, уже было занес

перо для подписи, как раздался телефонный звонок. Фофанов снял трубку, поговорил с минуту, и его рука зависла над характеристикой. Просидев несколько секунд в замешательстве, Фофанов произнес что-то невнятное, вернул мне не подписанную им характеристику и попросил зайти позднее. Я понял, что ни подписи, ни печати мне не видать. Тогда я отвез в аспирантуру Института радиопромышленности характеристику из того отдела НИИГРП, где я работал. В аспирантуре немного покривились, но в конце концов характеристику приняли. Я успешно сдал вступительные экзамены и был принят в аспирантуру. Въехал в общежитие института, заполнил форму для получения допуска секретности (2-я форма) и стал ждать его получения. Зная о строгих требованиях к анкетным данным, я мало надеялся на то, что мне дадут 2-ю форму, из-за "опасных" знакомств или из-за позиции по чехословацкому вопросу.

В феврале 1970 года в Рязанском горсуде, через 7 месяцев после арестов членов группы, состоялся суд. Результаты его хорошо известны: четверо получили лагерный срок от 3 до 7 лет, а двое, Заславский и Мартимонов, — условное наказание и были освобождены из-под стражи. Владимира среди осужденных не было, как не было и многих других, знакомых с "Закатом капитала" и знавших о существовании группы. Их не посадили, но исключили из института, аспирантуры, комсомола. Это "пяtno" они будут нести всю оставшуюся жизнь. И многие из них выберут путь героя песни Александра Галича: "Мне одна теперь дорога. Мне другого нет пути. Где тут, братцы, синагога? Подскажите, как пройти!"

В середине марта 1970 года, через три месяца после заполнения анкеты на допуск, меня вызвали в отдел кадров Института радиопромышленности. Там, в присутствии двух сидевших скромненько граждан штатском, мне сообщили, что меня исключили из аспирантуры, поскольку у меня нет характеристики из НИИГРП. На мое возражение, что отделу кадров и аспирантуре об этом хорошо известно и что они могли меня об этом поставить в известность ранее, последовал ответ, что произошла ошибка, а зав. аспирантурой наказан. "И вообще, — добавил зам. директора по кадрам, — ваш научный руководитель Бродский не в состоянии осуществлять над вами научное руководство". И показал мне бумагу с подписью моего руководителя. "Так дайте мне другого руководителя", — потребовал я. — "Другого нет." Поняв, что ничего от них не добьешься, я поехал к Бродскому и спросил, в чем дело. "Мы тут ни при чем. Ты же сам понимаешь. Мы ничего сделать не можем. Езжай в Рязань, там все и выясняй." А потом добавил: "Ты уж так не переживай. Ты русский. Через пять лет тебе форму восстановят".

Вот так закончилась (не начавшись) моя работа по созданию маскировочной плотной плазмы вокруг советских ракет, летящих на американские военные объекты. А кто знает, сколько было таких "поповых и абрамовичей"? (Павел Абрамович ушел из этого же института в 1969 году, подал на выезд в Израиль и сидел "в отказе" до 1987 года.)

В марте того же года я познакомился с правозащитником Борисом Ефимовым. Я ему рассказал о рязанском деле, назвал фамилии арестованных, полученные сроки и название книги Вудки. Эти сведения и были опубликованы в "Хронике текущих событий" N12.

Борис посоветовал мне съездить в Рязань, узнать детали моего "личного дела", а заодно и привезти более подробные

сведения о "деле Вудки". Он и Чалидзе слышали о рязанских и саратовских арестах. (Осенью 1969 года невеста Юрия Вудки приходила за советом к Валерию Чалидзе). Но достоверной информации о деле не было. Так что в конце марта я поехал в Рязань.

Я не сразу нашел Владимира, его к тому времени исключили из пединститута и в общежитии его уже не было. Но студенты помогли мне найти его. Он снимал койку где-то в районе улицы Свободы и работал кочегаром. Он мне очень обрадовался, т. к. боялся, что с ним не будут общаться: все сели, а он не сел, да к тому же давал показания. Женя искренне считал, что и я был допрошен и тоже "раскололся". "Почему ты так считаешь?" — спросил я его. — "Но ведь "они" знали такие детали наших встреч, которые мог знать только ты". Значит, уже весной 1969 года, задолго до "явки с повинной" Заславского, как это утверждается следствием, они следили не только за основными членами группы, но и за такими, как Владимира. Чего же тогда стоят "явка с повинной" и "добровольные" показания Заславского и Мартимонова?! Ведь даже из материалов дела видно, что показания обоих написаны на одной и той же бумаге одними и теми же чернилами!...

Мы долго бродили с Женей по камышам в пойме Оки. Он мне все аккуратно рассказывал: и про свой обыск, и обыск на квартире родителей в Рязанске, про допросы в КГБ и детали суда. Сообщил имена адвокатов, судьи и прокурора. И хотя некоторые из сведений были и до и после встреч с Владимировым сообщены другими (например, Борисом Гиндисом), основная информация была представлена Евгением Владимировым. Так возник документ о рязанском процессе в "Хронике..." № 14. И автором его надо считать Евгения Владимира.

В конце нашей долгой прогулки я спросил Женю, почему он и другие покаялись и что он думает сейчас о своих тогдашних идеях и о концепции, изложенной в "Закате капитала". "Наше

Олег Попов — гость журнала "Карта". Рязань. 1997 год.
ФОТО С. РОМАНОВА

дело было проигрышным с самого начала, — ответил Женя, — потому что мы пришли рано".

Остается добавить, что допуск мне уже никогда больше не оформили. Я в конце концов устроился в Московский госуниверситет, на физический факультет, где в 1977 году защитил диссертацию по физике плазмы. Но уроки "дела Вудки" для меня не прошли даром. Я стал заниматься деятельность, которую считал оправданной и приемлемой для себя и в идеологическом, и в моральном отношениях — правозащитной деятельностью, которая привела меня в конце концов в эмиграцию. Но это уже другая история...

Бостон

Рязанское историко-просветительское и правозащитное общество "Мемориал" и редакция Российского исторического и правозащитного журнала "Карта" извещают всех заинтересованных лиц, что в результате шестилетнего журналистского расследования событий, связанных с т.н. "рязанско-саратовско-петрозаводской группой", установлено следующее:

— Несколько человек, имевших близкие контакты с членами группы, сотрудничали в то время с Комитетом госбезопасности (КГБ). Имена их по ряду причин не оглашаются, но эти люди известны журналистам "Карты".

— Члены рязанской группы Евгений Мартимонов и Семен Заславский были, в результате спланированной ГБ провокации, необоснованно обвинены некоторыми участниками событий в предательстве. В результате в "Хронике текущих событий" №№ 12-14 появилась искаженная информация о рязанской группе. К сожалению, эта информация продолжала перепечатываться со ссылкой на ХТС как в отечественных, так и в зарубежных средствах массовой информации и исследовательских работах.

— Журнал "Карта" ответственно заявляет, что ретрансляция подобной информации, опровергнутой в результате тщательного независимого расследования, будет, по существу, являться распространением клеветы.

— "Карта" и рязанский "Мемориал" сердечно благодарят всех, кто помог в восстановлении доброго имени людей, чья жизнь была поломана репрессивной машиной советской власти.